

Михаил Козаков: «Я не рекламный человек...»

Моск. правда - 1997 - 4 марта - с. 10

Персонажи Михаила Козакова - Гамлет, Арбенин и Фауст - герои, вечно сомневающиеся в себе и в окружающих. Они всегда совершали поступки, в которых раскаивались после. Впрочем, сам Козаков утверждает, что не жалеет ни о том, что уехал в Израиль, ни о том, что вернулся в Россию.

Он приехал без героического нимба над головой и

то, что созвучно твоему возрасту, настроению, состоянию. Пушкина я любил с детства, затем эта страсть перешла в профессию. Потом в мою жизнь вторгся Бродский и завладел ею навсегда. Он подмывал меня, заставлял иначе мыслить, чувствовать, он совершенно поменял мое представление о мире. Кроме того, важно, как тот или иной автор «ложится» на голос и актерскую индивидуальность. Я, например, могу любить поэзию Твардовского, но его интонационный строй не соответствует моему голосу. Я сам себе не буду доверять, если начну читать «Теркина». Люблю Маяковского, но не читаю его, никогда не читал с эстрады Есенина. Но в какие-то моменты мне делался совершенно необходим Тютчев.

- Раньше вы много читали Пушкина, теперь в концертах вы читаете преимущественно Бродского. Чем определяется выбор поэтического материала?

- Выбираешь то, что любишь, и

Сегодня в концертах я читаю поэтов, с которыми прошел свою жизнь, - от Пушкина до Бродского.

- Чем, на ваш взгляд, отличается актерское чтение от авторского?

без философских наставлений. От него можно было бы ожидать каких-то творческих откровений, но он решил показать Москве спектакли легкие, веселые и ни к чему не обязывающие. В апреле Антреприза Михаила Козакова совместно с «Арт-клубом XXI» сыграет «Возможную встречу» П.Барца и «Необыкновенный сеанс» Н.Коурда.

- Мне Бродский когда-то сказал: «Какого черта вы вообще читаете чужие стихи? Вслух стихи должен читать только человек, который их написал. Или читатель». С одной стороны, он был прав - автор настаивает на музыкальности своего произведения, а актеры часто не слышат этой музыки и играют смысл.

Недавно я вычитал у Берберовой, что кто-то из современников Пушкина слышал, как он читал свои стихи, и утверждал, что Пушкин - как Бродский - завывал. С неподвижным лицом, он очень точно выделял цезуры, он пел свои стихи. Это тем более удивительно, что большей полифонии, чем у Пушкина и Бродского, я не знаю. Мне казалось, что в этой поэзии столько контрпунктов, разнообразия размеров, лагун, возвышений, переходов от высокого к низкому, что само по себе не предполагает подобного пения.

Я же всегда хотел выявить музыку стиха. Всегда хотелось воскликнуть в адрес поэта: «Ты губишь свою музыку! Она намного интереснее. Ты поешь на четырех нотах, а у тебя есть целые октавы!» Чтец должен слышать строй и стиль произведения, должен слышать низы Ахматовой и не перепутать ее с Цветаевой, ритмы Бродского не перепутать с ритмами того же Маяковского. Весь фокус состоит в том, чтобы сочетать музыку и смысл, чтобы хватало и музыкальных и смысловых обертонов.

- Пройдя через эмиграцию, уехав и вернувшись, вы можете ответить на вопрос, почему не вернулся Бродский?

- Опасно додумывать за гениев. Наверное, тут есть множество причин. Одну можно исключить сразу - это обида. Причины были метафизические. Он сам говорил, что жил прошлым, и изгнанничество было не просто бытовой проблемой - оно стало его поэтической темой, он стремился к одиночеству. Кроме того, он был чужд всякой суеты - было что-то пошлое в возвращении на Родину на белом коне. Он ведь и в Израиль не приехал. А между тем, почему бы не побывать в Иерусалиме? Он не хотел, чтобы кто-то прыгал вокруг него и кричал «Вы - наш». Он хотел быть один.

- А вы в момент отъезда и возвращения не думали об этой пошлости, о произведенном эффекте и о чепчиках, которые будут бросать в воздух при вашем появлении в России?

- Я думал об этом, но это не имело значения. Моя эмиграция не была рекламным трюком, как это многие считают. Я не рекламный человек - я драматический артист. В свое время я, как и все, радовался перестройке, свободе, и вдруг я испугался, и этот страх нельзя было оформить в словах. Пришли другие времена - я был не готов к ним. Телефон молчал, меня нигде не звали, я растерялся, испугался, я почувствовал свою ненужность. Это сейчас, после Израиля, я не

много накачал мышцы и могу заниматься антрепризой, а тогда я был расслаблен, я ощущал себя государственным человеком. Я уехал не из идейных соображений, а из страха. Я - «колбасный эмигрант».

И возвращался я не быстро и не в одночасье. Дело не в том, что я не полюбил Израиль - я себя в Израиле не полюбил. Сначала я спрашивал себя: «Уезжать или не уезжать?», потом я спрашивал: «Правильно или неправильно поступил?», и вдруг настал момент, когда я физически не смог там быть. Я не мог быть нигде, кроме Москвы и Петербурга. Вернулся я вовсе не победителем, я и сейчас трушу, иду осторожно, на ощупь.

- По гамбургскому счету и отъезд, и приезд можно расценить как малодушные?

- А я и не говорю, что это героический поступок. Может, это и есть малодушные. Вовсе не героизм - в пятьдесят семь лет начать учить иврит, играть и ставить на этом языке.

Тогда и возвращение - тоже малодушные. Мне говорили - «Ну что, не смог? Уехал, так держи марку!» А о какой марке вообще идет речь? Идите вы все, я буду жить так, как хочу. Я же подлости не совершал, из-за меня никто не погиб, я с собой никого не увез, никто не сломал себе судьбы из-за меня. Я несу ответственность только за себя и за свою семью. Что я такого сделал? Я взял семью и уехал поработать, что же здесь такого?! Сейчас я знаю, что я уже больше никуда не поеду. Я устал.

- Сравнительно недавно вы поставили в Петербурге «Чествование», в апреле в Москве вы будете играть два своих спектакля - «Возможную встречу» Барца и «Необыкновенный сеанс» Коурда. Эти спектакли соответ-

ствуют вашему сегодняшнему состоянию?

- В последнее время я прихожу к выводу, что театр - искусство площадное. Когда я выхожу на эстраду и читаю Бродского, Пушкина, Ахматову, Мандельштама, я отвечаю только за себя, я говорю о себе и про себя. Но в театре, особенно в современных условиях, я должен иметь успех у публики. Иначе я не прокормлю ни актеров, которые со мной работают, ни свою семью. Я могу поставить «Мрамор» Бродского, но это будут смотреть сорок человек, а мне нужно, чтобы в зале сидело восемьсот зрителей. Значит, я должен думать о коммерческом спектакле. Границу же коммерциализации каждый определяет для себя сам.

Мне нравятся эти две пьесы, это - крепкая неглупая драматургия, очень человеческие истории. «Возможная встреча» - притча, «Необыкновенный сеанс» - комедия. Когда-то я с большим удовольствием играл в фильмах «Здравствуйте, я ваша тетя», «Лев Гурыч Синичкин», «Соломенная шляпка», да и «Покровские ворота» - чистой воды водевил. Я очень люблю баловаться, и эта комедия дает такую возможность. Я могу ставить «Фауста» на телевидении, я могу читать философские стихи, но есть и баловство, озорство. Мои спектакли - это актерский театр без какого-либо концептуализма, это - радость и утешение.

- Предполагаете ли вы сказать новое слово в московской театральной жизни?

- Я об этом не задумываюсь. Я не авангардист, я не новатор, я не убежденный консерватор. Я просто делаю то, что для меня естественно и органично.

Ольга БОГОМОЛОВА.

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.